

Вадим Деревянский

На задержание по одному не ходят

«Что-то он там долго возится... долго возится... долго возится... Пойду посмотрю... Пойду посмотрю... Пойду посмотрю... Бах!..»

Опер Матвеев рывком оторвал голову от стола. Нет, сегодня уснуть не удастся. Деду «вышку» не дадут — возраст! Но на свободу он уже не выйдет. Никогда!..

В конце семидесятых годов минувшего столетия в центре крупного промышленного города на украинском Донбассе выросло красивое, облицованное белой плиткой пятиэтажное здание, в котором разместились два городских управления — внутренних дел и Комитета государственной безопасности. И нет ничего удивительного в том, что между работниками двух ведомств завязались знакомства, а между некоторыми установились даже дружеские отношения. Среди друживших были оперативные сотрудники Игорь Матвеев (увд) и Олег Григорьев (кгб). Дружили семьями: в выходные вместе ездили в областной центр в театр, возили детей в цирк и планетарий, выбирались на природу «на шашлыки» и просто позагорать, ходили в лес по грибы.

Все послевоенные годы одним из важных направлений деятельности Комитета государственной безопасности СССР было выявление и привлечение к ответственности военных преступников, пособников фашистов...

Был сентябрь 1981 года. В конце дня Матвеев заехал в горуправление сдать табельное оружие. Навстречу по лестнице спускался Олег Григорьев. После взаимных приветствий сотрудник кгб поинтересовался:

— Сильно занят?

— Нет, домой собрался, — ответил Игорь. — А ты?

— Еду бывшего полицейя забирать.

— Ты на задержание едешь один?! — удивился Матвеев.

— Какое там задержание, — махнул рукой Григорьев. — Старый дед, далеко за восемьдесят, родных нет.

— Не знаю, не знаю, — сотрудник уголовного розыска засомневался в правильности такого решения. — У нас на задержание по одному не ходят. — Поехали со мной, если хочешь.

— Ну, поехали.

Сели в комитетскую «Волгу», Олег назвал водителю адрес. Разговор в машине не клеился, больше молчали. На душе было беспокойно.

Через полчаса очертания города остались позади, и заасфальтированная дорога сменилась грунтовой пригородного посёлка. Изрядно пропетляв по улочкам, остановились возле добротного дома за массивным забором.

Подшли к двери, подёргали за ручку — заперто. Звонка нет. Постучали, прислушались. Лая не слышно, значит, собаки либо нет, либо хозяин держит её в доме. Постучали ещё раз, громче, настойчивей. На сей раз с той стороны забора послышались шаркающие шаги. Отъехал в сторону засов, дверь приоткрылась.

— Гражданин ...? — Григорьев назвал фамилию хозяина дома.

Бывший полицейя не ответил, он сразу всё понял. Он все послевоенные годы жил ожиданием того, что случится сейчас, — за ним пришли! Не годы, десятилетия ждал! И у него, как показалось оперативным работникам, был заранее заготовлен вопрос:

— Я вещи соберу?

— Давай, только быстро, — разрешил Олег.

Старик вошёл в дом, Григорьев с Матвеевым последовали за ним. Прошли в гостиную, дальше не стали, давая будущему сидельцу время на сборы. Дед же направился в спальню и затаил.

— Эй, ты скоро там? Давай быстрее! — крикнул Игорь.

В ответ — тишина.

— Что-то он там долго возится. Пойду посмотрю, — сказал Олег и пошёл в спальню.

Прошло несколько секунд. Вдруг — бах! — выстрел!

Всё последующее Матвеев запомнил до мелочей, хотя действовал тогда исключительно рефлекторно. Влетел в спальню, выбил из руки стрелявшего немецкий, времён войны, пистолет — вальтер (успел заметить дымок из его ствола). Повалил бывшего полицейя на пол, начал заламывать руки назад, тот заупирался, пришлось пару раз приложить кулаком. Наручников нет — сорвал с себя поясной ремень, связал им деду руки за спиной. Не сдержался: — Здоровый, гад!

Только теперь посмотрел на товарища: может, нужна помощь?

На Олега и на стену за ним было страшно смотреть. Полицай стрелял от пояса, снизу вверх, пуля вошла Григорьеву в горло и вышла из затылка. Выстрел отбросил его назад, и он, подогнув одну ногу, сидел на полу, весь в крови, опираясь о стену спиной. Какая тут помощь!

«Олег как будто чувствовал, что всё так плохо кончится,—меня с собой позвал»,—промелькнуло у опера.

Пока давали старику возможность собраться, Игорь успел заметить в гостиной телефон. Он схватил убийцу за шиворот и поволок его, как собаку, поближе к аппарату. Набрал номер дежурного городского уВД, коротко сообщил о произошедшем, затем достал из кармана пачку «Примы» и коробок спичек, успокаивая нервы, закурил...

Людей понаехало много: следственно-оперативная группа, руководство городской милиции и Комитета госбезопасности. Растерянный участковый никак не мог поверить, что под личиной добропорядочного старика скрывался матерый военный преступник.

Начались предписанные в таких случаях действия. Матвеев рассказал следователю о случайной встрече и разговоре с Олегом на ступеньках горуправления, объяснив причину своего присутствия на месте преступления, потом—как всё произошло.

Тем временем двое его коллег развязали задержанному руки, надели на них наручники—спереди, так в машине удобнее ехать. Один из парней протянул Игорю ремень. Матвеев ремень не взял, отшвырнул в сторону, не захотел после фашистского прихвостня мараться. Прошёл в спальню, посмотрел на друга ещё раз. И всё в нём закипело! Такая злость охватила, что словами не передать!

Возникла необходимость везти задержанного в горуправление. Кто повезёт? Вызвался Матвеев. Не просто так вызвался—у него уже был готов план.

Сели в ту же комитетскую «Волгу», в которой приехали, двинулись в обратный путь. Когда по обе стороны дороги потянулись колхозные поля, Игорь скомандовал водителю:

—Останови!

«Волга» остановилась. В салоне повисли минуты тягостного молчания, тишину нарушали лишь щелчки реле стоп-сигнала. Вокруг ни машин, ни людей. Опер провоцировал бывшего полицая на побег! Чтобы «при попытке к бегству»...

—Может, тебе по нужде надо выйти?—наконец нарушил молчание сотрудник уголовного розыска.

Дед сразу догадался, в чём причина такой «заботы», поднял вверх закованные в наручники руки и истерично заорал:

—Нет! Нет! Везите меня, везите!

—А ты подумай!—Матвеев толкал его локтем к дверце.

—Нет!—кричал дед.—Везите, я никуда не пойду!

Он изо всех сил сопротивлялся.

—Жить, значит, хочешь, мразь?

УИгоря возникло желание застрелить его прямо в машине, а дальше—будь что будет! Но внутренний голос отчаянно противился такому поступку, сдерживал его. Помедлив, Матвеев выдал из себя:

—Чёрт с тобой, поехали.

Всю оставшуюся часть пути опер корил себя: «Зачем?! Зачем надо было у него ствол выбивать?! У меня же пистолет с собой, надо было его сразу застрелить, и всё!» Сказалась привычка, выработанная многолетним опытом до уровня рефлексов, задерживать преступников без применения оружия—иначе потом замучишься оправдываться и отписываться.

Матвеев определил задержанного в камеру, открыл дверь в кабинет, который делил с тремя коллегами, сел за письменный стол, достал из верхнего ящика чистые листы бумаги и стал всё подробно описывать...

Вернулся Игорь домой далеко за полночь. Стараясь не разбудить родных, прошмыгнул на кухню, достал из холодильника початую бутылку водки, налил полный стакан, не закусывая выпил. По телу разлилось приятное тепло. Снова закрутились мысли вокруг произошедшей трагедии: «А всё-таки я правильно поступил, что деда не застрелил. Он хоть и последняя сволочь, а всё же человек. Будут следствие, суд. Там всплывут его „подвиги“ во время и после Великой Отечественной войны, докажут его прежние преступления. Но кто, в сущности, знает, сколько он жизнью загубил?! На свободу он уже и так никогда не выйдет, а я грех на душу не взял!»

Вылил в стакан оставшуюся водку, выпил залпом. «Шакал! Он ведь мог и меня положить... доля секунды всё решила...» В памяти тут же всплыл дымок из ствола вальтера. «Мы с Олегом там бы и остались, а его ищи-свищи потом по всему Союзу... Хорошо, что не дал гаду уйти!» Игорь сейчас даже сам удивился, откуда только силы взяли такого борова скрутить,—он ведь обычный опер, среднестатистический, в физическом отношении совсем не похожий на крепыша-коротышку капитана Бойкова, который подковы гнёт. «И там, на лестнице, когда случайно с Олегом встретились, тоже решили секунды. Ещё чуть-чуть, и разминулись бы. Олег уехал бы на задержание один, и...»

Открыл новую бутылку, налил третий стакан. «У Олега остались мама старенькая, жена и две маленькие дочки. Как они? К ним поехало комитетское руководство с бригадой скорой сообщить

о случившемся. Невозможно даже представить их состояние, когда к ним позвонят, и они, не ожидая ничего плохого, отворят дверь...»

Опер Матвеев — взрослый мужик, представитель мужественной милицейской профессии — сидел за столом на кухне, пил водку и тихо плакал.

Под утро от дикой усталости, растраченных нервов и выпитой водки он даже не задремал, а провалился в какое-то небытие. Уронил голову на стол, и: «Что-то он там долго возится... долго возится... долго возится... Пойду посмотрю... Пойду посмотрю... Пох!..»